

Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 5 (104). С. 83–94.
Cherepovets State University Bulletin, 2021, no. 5 (104), pp. 83–94.

Научная статья

УДК 811.161.1.06

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-5-104-7>

Нейтрализация маркеров мнения: из опыта лингвоэкспертной практики

Ирина Евгеньевна Кузнецова^{1✉}, Наталья Витальевна Козловская²

^{1, 2}Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия,

¹kuznetsova4irina@rambler.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-7984-5919>

²mnegolosbyl@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7272-7979>

Аннотация. Задача настоящей статьи – на материале примеров из лингвоэкспертной практики авторов продемонстрировать неприемлемость формального подхода и обосновать необходимость использования семантических методов анализа спорного текста. При формальном подходе наличие определенных выражений, которые принято считать маркерами мнения, однозначно рассматривается как критерий отнесения высказывания к разряду мнений.

В центре внимания авторов – явление нейтрализации маркеров мнения в спорном тексте. Разнообразные экспертные сюжеты, проанализированные в статье, свидетельствуют о том, что формальный подход к разграничению мнения и факта неприемлем. В конкретных коммуникативных условиях использование очевидных, «ярких» маркеров мнения может вступать в противоречие с условием осмысленности высказывания, логикой, а также со смыслом высказывания и с семантикой образующих его лексических единиц.

Ключевые слова: мнение, оценочное суждение, утверждение о фактах, нейтрализация маркеров мнения, судебная лингвистическая экспертиза

Для цитирования: Кузнецова И. Е., Козловская Н. В. Нейтрализация маркеров мнения: из опыта лингвоэкспертной практики // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 5 (104). С. 83–94. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-5-104-7>.

Neutralization of opinion markers: from the experience of forensic linguistics practice

Irina E. Kuznetsova^{1✉}, Natalia V. Kozlovskaya²

^{1, 2}Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia,

¹kuznetsova4irina@rambler.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-7984-5919>

²mnegolosbyl@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7272-7979>

Abstract. The purpose of this article is to demonstrate the unacceptability of a formal approach and substantiate the need to use semantic methods to analyze a controversial text based on the authors' examples from the experience of forensic linguistics practice. Applying formal methods,

certain expressions, which are usually considered to be markers of opinion, are clearly regarded as a criterion for classifying an utterance as an opinion.

The authors focus on the phenomenon of neutralizing opinion markers in a controversial text. Various expert stories analyzed in the article indicate that a formal approach to differentiating opinion and fact is unacceptable. In specific communicative conditions, the use of obvious, evident markers of opinion may conflict with the meaningfulness of the utterance, its logic as well as the meaning and semantics of the lexical units that form it.

Keywords: opinion, value judgment, fact statement, neutralization of opinion markers, forensic linguistic examination

For citation: Kuznetsova I. E., Kozlovskaya N. V. Neutralization of opinion markers: from the experience of forensic linguistics practice. *Cherepovets State University Bulletin*, 2021, no. 5 (104), pp. 83–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-5-104-7>.

Введение

Проблема разграничения мнений и фактов долгое время остается одной из самых сложных в лингвистической экспертизе по делам о клевете и распространении не соответствующих действительности порочащих сведений.

Многообразие коммуникативных ситуаций, семантическое варьирование слов, наличие коннотаций – те факторы, которые препятствуют созданию идеального систематического каталога, «закрытого списка» мнений и способов их вербализации.

При решении проблемы разграничения мнений и фактов эксперт может столкнуться с семиотической или стилистической сложностью исследуемого объекта; они влияют на выбор применяемых методов и обуславливают отказ от формального подхода, нацеленного на наличие / отсутствие маркеров мнения.

О невозможности формального подхода к проблеме неоднократно писали теоретики и практики судебной лингвистики: «Формальный подход дает нежелательные, явно неадекватные результаты. Так, он может привести эксперта к выводу, что в одном и том же тексте одна и та же информация выражается то в форме мнения, то в форме утверждения о факте, поскольку в одном случае показатели мнения есть, а в другом нет»¹.

При проведении лингвистической экспертизы продуктивен отказ от формально-грамматического подхода к дифференциации объективного и субъективного и анализ высказываний с рассмотрением всех важных аспектов: семантики, грамматики, контекста².

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», «следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут

¹ Кукушкина О. В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 133.

² Иваненко Г. С. Три мифа в вопросах экспертной квалификации объективного и субъективного // Юрислингвистика. 2016. № 5 (16). С. 126.

быть проверены на предмет соответствия их действительности»¹. До настоящего времени вопрос о критериях и способах разграничения утверждений о фактах и мнений в «зоне нейтрализации формальных различий между этими двумя семантическими типами информации»², т. е. в тех случаях, когда имеют место немаркированные утверждения, остается дискуссионным.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы на материале примеров из лингвоэкспертной практики авторов продемонстрировать неприемлемость формального подхода и обосновать необходимость использования семантических методов анализа спорного текста для выявления случаев нейтрализации маркеров мнения.

При формальном подходе наличие определенных выражений, которые принято рассматривать как маркеры мнения, однозначно расценивается как критерий отнесения высказывания к разряду мнений. Такое понимание, реализуемое в практике судебной экспертизы, неоднократно способствовало созданию ситуаций, когда авторы публикаций, стремясь избежать ответственности за сказанное, используют разнообразные показатели субъективной модальности. Казалось бы, это явление следует оценивать в положительном ключе, но почему-то все чаще адресат не воспринимает такую маркированную информацию как мнение, маркеры не выполняют своей функции. Далее представлен анализ попытки искусственного маркирования фактуальной информации текста статьи с целью ухода от ответственности за сказанное.

Основная часть

Кейс 1. Модальное преобразование информации: подача фактов под видом «исключительного мнения»

Рассмотрим ситуацию, которая является достаточно типичной для современного публицистического дискурса. Публикация, реализующая стратегию дискредитации участника описываемых событий или содержащая негативную информацию в форме утверждения о фактах, сопровождается комментарием о том, что весь текст представляет собой выражение мнения журналиста.

Обратимся к примеру. Над заглавием проиллюстрированного фотографией спорного текста, в котором излагается биография реально существующего лица и повествуется о событиях с его участием, размещена надпись: *Данная статья отражает исключительное мнение ее автора*. Существительное *мнение* в современном русском языке имеет два значения: ‘суждение, выражающее оценку кого-, чего-либо, отношение к кому-, чему-либо, взгляд на кого-, что-либо’ и ‘официальное заключение, решение’³. Очевидно, что в данном случае речь не идет об официальном заклю-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 08.06.2021).

² Кукушкина О. В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 135.

³ Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://archive.org/details/Bolshoy-tolkov-slovar-russkogo-yazyka-2000/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 08.06.2021).

чении и слово *мнение* употреблено в первом, непроемном, свободно-номинативном значении. Прилагательное *исключительный* (*исключительное*) в сочетании с существительным *мнение* в этом контексте означает ‘принадлежащий только одному лицу’¹. Таким образом, в данном высказывании сообщается, что в публикуемой статье находит отражение сугубо мнение ее автора.

После текста статьи указано следующее: *Данный материал является исключительным оценочным мнением автора текста, в том числе в части подтверждения наличия или отсутствия событий, упомянутых в нем*. Выражение *в части подтверждения наличия или отсутствия событий* в этом контексте не имеет смысла, его значение неясно. *В части* – предложное сочетание, означающее ‘в отношении чего-либо’². Суждение, выражающее оценку кого-, чего-либо (оценочное мнение), может давать оценку событиям, но не может *подтверждать их наличие или отсутствие*, не может свидетельствовать о достоверности чего-то.

Введение в публикацию обоих высказываний (предваряющего и завершающего текст статьи) реализует попытку модального преобразования информации, представляющего собой коммуникативный прием, применяемый автором с целью снятия с себя ответственности за сообщение дискредитирующих сведений о герое. В данном случае преобразование связано с введением постороннего субъекта, который «нерелевантен для ситуации», – автора текста³. Модальное преобразование информации путем введения постороннего субъекта является способом искажения истины⁴. Произошедшие события преподносятся читателю сквозь призму *мнения* журналиста, что для конкретной коммуникативной ситуации несущественно.

Многие высказывания в спорном тексте содержат информацию, которая в принципе не может быть маркирована как мнение автора, в противном случае текст теряет осмысленность. Так, например, с учетом контекста в высказывании *Только нежной и неусыпной опекой своего единственного сыночка ***овым-старшим сослуживцы Сергея ***ова по УВД на транспорте объясняют профессиональный успех юного лейтенанта* имеется следующая информация: 1) Сергей ***ов, будучи юным, в звании лейтенанта служил в УВД на транспорте; 2) у Сергея ***ова в УВД на транспорте были сослуживцы; 3) Сергей ***ов достиг профессионального успеха; 4) у Сергея ***ова есть отец; 5) сослуживцы ***ова объясняют его профессиональный успех *нежной и неусыпной опекой своего единственного сыночка ***овым-старшим*. При маркировании любого кванта информации как мнения автора текста высказывание теряет смысл (ср.: *Я думаю, что у Сергея есть отец. Я думаю, что сослуживцы объясняют успех Сергея опекой отца*).

Кроме того, наличие в самом спорном тексте сведений, маркированных как мнение, логически противоречит приведенным высказываниям, поскольку получается,

¹ Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://archive.org/details/Bolshoy-tolkov-slovar-russkogo-yazyka-2000/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 08.06.2021).

² Там же.

³ Левин Ю. И. О семиотике искажения истины // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. Москва: Языки русской культуры, 1998. С. 601.

⁴ Там же. С. 599–601.

что мнением автора статьи является мнение иных лиц (*По мнению издания, за внешней деликатностью ***ова скрываются мощные рычаги воздействия на банковский сектор*).

Спорный текст, помимо вербального, содержит визуальный компонент. Вербальный и изобразительный компоненты равноправны и подвергаются интерпретации в совокупности друг с другом: вербальная часть отсылает читателя к изображению¹. Демонстрируемое изображение придает определенность сказанному. В качестве иллюстраций к статье в данном случае использованы фотографические изображения документов, иллюстрирующие сообщения о таких документах, и фотографии лиц мужского пола, подписанные именами героев публикации, что позволяет читателю сделать вывод о том, кто изображен на снимке. Наличие фотографических иллюстраций подчеркивает тот факт, что в статье речь идет о реально существующих людях и документах, а следовательно, сказанное отражает реальную картину мира, а не то, какая картина мира есть у автора текста.

Таким образом, в рассматриваемом случае высказывания *Данная статья отражает исключительное мнение ее автора и Данный материал является исключительным оценочным мнением автора текста, в том числе в части подтверждения наличия или отсутствия событий, упомянутых в нем* не оказывают влияния на форму представления сведений в спорном тексте.

Модальное преобразование информации, как правило, направлено на то, чтобы скрыть границы между утверждением о фактах и мнением (оценочным суждением). В таких случаях для отнесения высказывания к тому или иному типу необходим семантико-синтаксический анализ каждого предложения.

Кейс 2. Деепричастие как носитель фактуальной информации

Высказывание *Винни Пух решил провести мошенническую схему по растрате средств, организовав «неожиданный» праздник* является фрагментом статьи, где рассказывается о том, что упомянутый праздник уже состоялся, это и послужило новостным поводом для публикации.

С целью разграничения утверждений о фактах и мнений в практике лингвистической экспертизы используется (в числе прочих) формальный лингвистический критерий – принадлежность отдельных фрагментов текста к классу описательных либо оценочных высказываний. Как пишет Е. И. Галяшина, «описательные высказывания содержат сведения о фактах и событиях: констатируют положение дел или утверждают необходимую связь явлений. В большинстве случаев они имеют грамматическую форму повествовательного предложения и подлежат верификации, то есть могут быть проверены на истинность или ложность (соответствие или несоответствие действительности). Указание на факт – это всегда указание на частный случай, в котором субъектный и объектный актанты, как и предикативный признак, конкретны»².

¹ Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе / под редакцией С. А. Смирновой. Москва: РФЦСЭ, 2018. С. 81.

² Галяшина Е. И. Право на свободу слова в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: материалы XI Международ-

Прокомментируем спорную ситуацию: предложение *Бухгалтер Петров вернулся из отпуска* содержит информацию о Петрове в форме утверждения о фактах. Введя маркер мнения, можно выразить неуверенность и снять с себя ответственность за сказанное: *По моему мнению, бухгалтер Петров вернулся из отпуска*. Модальному преобразованию подверглась информация «Петров вернулся», однако информация в пресуппозиции («Петров работает бухгалтером», «Петрову предоставили отпуск») по-прежнему имеет форму имплицитного утверждения о фактах. Маркирование каждого кванта этой информации как мнения возможно только в коммуникативной ситуации угадывания, разгадывания загадки (*По-моему, Петров работает бухгалтером, по-моему, ему предоставили отпуск, по-моему, он вернулся из отпуска*), однако и в этом случае часть пресуппозиции (например, «Петров – человек») сохраняет форму утверждения о фактах. О. В. Кукушкина, говоря о трудности разграничения немаркированного мнения и утверждения о фактах, пишет, что «любое мнение несет в себе сообщение о существовании какого-то факта, то есть обязательно содержит фактологический компонент»¹. Это можно отнести и к маркированному мнению.

В ряде случаев часть информации в высказывании представлена в форме мнения, но при этом содержащиеся в нем фактологические данные не допускают модального преобразования, например: *Неудивительно, что юнца с волчьей хваткой заметили аж из самой Москвы, тоже не без помощи связей папашки*. Если информацию о том, что юнца с волчьей хваткой заметили аж из самой Москвы, представить как мнение автора текста, введя соответствующий маркер, предложение потеряет смысл.

В анализируемом высказывании *Винни Пух решил провести мошенническую схему по растрате средств, организовав «неожиданный» праздник* использован глагол *решил*, который называет ментальную операцию (решить – ‘после обдумывания прийти к какому-л. выводу, к необходимости каких-л. действий’²). Как правило, это позволяет относить высказывания со сказуемым *решил* к разряду мнений на основании их неverifiedируемости. Использование при анализе спорного текста критерия неverifiedируемости неизбежно, но оно вносит элемент субъективности в выводы эксперта. По сути, получается, что форма представления информации в высказываниях типа *По-моему, он решил ограбить банк* и *Он решил ограбить банк* одинакова, хотя это не так. В первом случае автор допускает существование другого взгляда на события, а во втором берет на себя ответственность за сказанное.

В предложении *Винни Пух решил провести мошенническую схему по растрате средств, организовав «неожиданный» праздник* к сказуемому *решил* относится распространитель *организовав праздник*. Деепричастие *организовав* образовано от

ной научно-практической конференции (Кутафинские чтения): в 4 ч. (г. Москва, 22 ноября – 3 декабря 2016 г.) / под редакцией В. Н. Синукова. Москва: Проспект, 2017. Ч. 3. С. 318.

¹ Кукушкина О. В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 135.

² Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://archive.org/details/Bolshoy-tolkov-slovar-russkogo-yazyka-2000/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 08.06.2021).

глагола совершенного вида с результативным значением. Такое деепричастие обычно указывает на действие, предшествующее действию, выраженному глаголом, но может указывать и на последующее действие¹ – при любом понимании главного, что в данном случае речь идет о действии, которое достигло результата. Исследуемое высказывание содержит утверждение «Винни Пух организовал “неожиданный” праздник». Эта информация не может быть маркирована как мнение, в противном случае высказывание будет лишено осмысленности.

Слово *неожиданный* в спорном высказывании заключено в кавычки, которые используются как показатель неконвенционального смысла. В таких случаях «пишущий употребляет существующее слово или выражение в неконвенциональном значении и поэтому не может рассчитывать на то, что слушающий (читающий) его поймет; кавычки указывают читателю на то, что он должен искать нужный неконвенциональный смысл»². Обычно праздник называют *неожиданным*, когда он состоялся, хотя его никто не ждал, однако в данном случае из текста публикации следует, что речь идет о празднике, о котором никому не сообщили и на котором по этой причине никто не присутствовал, т. е. о событии, которое не ждали и которое не состоялось как праздник.

Существительное *схема* выступает в значении ‘порядок осуществления, выполнения чего-либо’³, слово *растрата* – в значении ‘незаконная трата кем-либо доверенных ему денег’⁴.

Таким образом, из текста статьи следует, что Винни-Пух не просто *решил* (задумал, захотел), а именно *провел* праздник. О факте проведения праздника в прошлом по отношению к моменту речи свидетельствуют следующие высказывания: предложение «*Скромный праздник*» в честь Дня Лесного района оказался *полной неожиданностью для граждан* имеет смысл только в том случае, если праздник действительно состоялся. Аналогично: предложение *Неудивительно, что на мероприятие практически никто не пришел* включает условие осмысленности: «праздник был, поскольку было куда приходить».

Следовательно, в тексте сообщается о факте проведения праздника, организация которого и стала способом реализации мошеннической схемы (именно о ней и пишет автор статьи).

Во фразе *Винни-Пух решил провести мошенническую схему по растрате средств налогоплательщиков, организовав «неожиданный» праздник для лесных жителей* основная негативная информация содержится в указании на мошенническую схему.

¹ Грамматика русского языка: в 2 т. / под редакцией В. В. Виноградова. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960. Т. 1. С. 527.

² Зализняк А. А. Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2007» (д. Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.) / под редакцией Л. Л. Иомдина и др. Москва: РГТУ, 2007. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (дата обращения: 08.06.2021).

³ Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://archive.org/details/Bolshoy-tolkov-slovar-russkogo-yazyka-2000/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 08.06.2021).

⁴ Там же.

При этом слово «решил» в данном случае указывает на намерение Винни-Пуха провести мошенническую схему, реализованное определенным способом – *организовав праздник*.

Из приведенного материала можно сделать вывод, что семантика предикативного центра предложения корректируется за счет деепричастия, обозначающего сопутствующее действие, а также за счет содержания текста в целом.

Кейс 3. Искажение модусной перспективы высказывания

С формальной точки зрения, в предложении *На примере компании «Рога и копыта» видно, как может быть построена цепочка по возможному «отмыву» денег* присутствуют два маркера мнения: согласованное определение *возможный* ('такой, который может произойти, случиться; вероятный, предполагаемый'¹) и модальная часть сказуемого *может быть (построена)*. Однако соотношение модусной и диктумной составляющих высказывания требует анализа и не предполагает однозначной формальной интерпретации.

В вышеуказанном предложении содержатся два кванта информации: (1) в любой компании *может быть построена цепочка по возможному «отмыву» денег*, т. е. существует возможность «отмыва» денег в результате построения в компании соответствующей *цепочки*; (2) компания «Рога и копыта» является *примером* реализации этой возможности. Существительное *пример* в данном контексте имеет значение 'конкретное явление, случай, приводимые для объяснения или доказательства чего-либо'².

Конструкция с предлогом *по* в выражении *построена цепочка по возможному отмыву денег* обозначает цель совершения действия: *построена* – с какой целью? – с целью *возможного отмыва денег*. Автор вводит в высказывание прилагательное *возможный*, что в данном случае оказывается семантически избыточным: оно не вносит в высказывание никакого дополнительного смысла, так как здесь в принципе речь идет о *предполагаемой (может быть построена)* реализации *цепочки* в любой компании. Очевидно, что слово *возможный* употребляется с целью снять с себя ответственность за сообщаемое о компании «Рога и копыта». Однако, если допустить, что в этой компании не происходит «отмыв» денег, высказывание лишено осмысленности: не выступает в качестве примера действия то, что данного действия не производит.

Таким образом, эффект формальных, искусственно вводимых в текст показателей мнения (модальные глаголы и прилагательные со значением вероятности и предположения) может нивелироваться контекстом и / или явлением семантической избыточности.

¹ Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://archive.org/details/Bolshoy-tolkov-slovar-russkogo-yazyka-2000/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 08.06.2021).

² Там же.

Кейс 4. Искажение модусной перспективы высказывания

Сергей рассказал о проекте на сессии ВЭФ о цифровизации экономики. Он пригласил всех желающих на стенд XL для разговора с разработчиками – Антоном и Евгением.

Вероятно, Антон – это 35-летний Антон ***ин, бывший сотрудник МВД. Он обозначен как «автор проекта системы XL» на сайте Ассоциации, в которой возглавляет комитет по информационным технологиям, ***ин – бизнес-партнер московского предпринимателя Петра.

На фотографии, выложенной Антоном ***ным «ВКонтакте» с «полей» ВЭФ, он стоит вместе с Петром и Сергеем.

Из приведенного фрагмента извлекается следующая фактологическая информация об Антоне ***ине: ему 35 лет; он назван «автором проекта системы XL»; он бывший сотрудник МВД; возглавляет комитет по информационным технологиям Ассоциации и является бизнес-партнером московского предпринимателя Петра; во время проведения ВЭФ Антон, Петр и Сергей были сфотографированы вместе.

При помощи вводного слова *вероятно* автор текста вводит информацию о том, что разработчик по имени Антон, для разговора с которым на сессии ВЭФ пригласил всех желающих Сергей, – это Антон ***ин. Использование вводного слова в данном случае логически неоправданно, так как любой читатель, владеющий навыками поиска в сети Интернет, способен проверить истинность этого утверждения; кроме того, автор сам обосновывает сообщаемую информацию: он пишет, что во время проведения ВЭФ Антон, Петр и Сергей были сфотографированы вместе.

В анализируемом фрагменте слово *вероятно* не выражает неуверенности в сообщаемом, оно введено искусственно, поскольку приведенные факты не формируют основу для предположения. Три кванта верифицируемой информации: (1) – о том, что Сергей приглашал всех желающих знакомиться с разработчиком по имени Антон; (2) – о том, что на сайте Ассоциации менеджеров России Антон значился разработчиком проекта системы XL; (3) – о том, что во время проведения ВЭФ Антон, Петр и Сергей были сфотографированы вместе, – могут быть интерпретированы только однозначно: вводное слово *вероятно* является избыточным и не создает семантику предположения.

Когда речь идет о предположении, стандартная дискурсивная практика подразумевает эксплицитное или имплицитное (скрытое) указание на наличие у адресата выбора, нескольких возможностей, в данном же случае наряду с мнимым предположением перечисляются свойства, признаки и действия, которые, напротив, подтверждают однозначность интерпретации: это был именно Антон ***ин.

Кейс 5. Использование существительного версия как тактика ухода от ответственности

В показаниях Винни Пух подробно излагает свою версию. В конце апреля 2018 года Винни Пух в очередной раз приехал в Москву и якобы отправился в офис Кролика на Садовом кольце. Винни Пух отдал документы, затем его повезли в приемную на Кузнецком мосту. Там медведь с сопровождающими ждал два с половиной часа, после чего Кролик завел его в комнату, в которой было несколько людей в штат-

ском. Винни Пух утверждает, что эти люди в течение 40 минут задавали вопросы.

В данном фрагменте автор сообщает то, что он называет в тексте *версией* ('предположение о свойствах чего-л., о наличии связей между чем-л.; вариант трактовки, изложения чего-л.')

¹ Винни Пуха. Поскольку речь идет о фактологической информации, *версия* не может рассматриваться как мнение Винни Пуха. Слово *версия* в данной ситуации имеет значение 'вариант изложения чего-либо'. Таким образом, автор публикации утверждает, что сообщаемые далее сведения приводятся со слов Винни Пуха. Это утверждение может быть проверено на соответствие действительности. Само указание источника также является утверждением о фактах, подлежащим проверке на достоверность методом фактологического квадрата, его основными критериями являются следующие признаки: совершенность, верифицируемость, отсутствие альтернативы и побудительная («порочающая») цель².

Выводы

Разнообразные экспертные сюжеты, проанализированные в статье, свидетельствуют о том, что формальный подход к разграничению мнения и факта неприемлем. В конкретных коммуникативных условиях использование очевидных, «ярких» маркеров мнения может вступать в противоречие с условием осмысленности высказывания, логикой, а также со смыслом высказывания и семантикой образующих его лексических единиц. Явление нейтрализации маркеров мнения, возникающее под влиянием различных факторов, нуждается в дальнейшем изучении и типологизации.

Список источников

Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://archive.org/details/Bolshoy-tolkov-slovar-russkogo-yazyka-2000/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 08.06.2021).

Галашина Е. И. Право на свободу слова в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: материалы XI Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения): в 4 ч. (г. Москва, 22 ноября – 3 декабря 2016 г.) / под редакцией В. Н. Синукова. Москва: Проспект, 2017. Ч. 3. С. 313–319.

Грамматика русского языка: в 2 т. / под редакцией В. В. Виноградова. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960.

Зализняк А. А. Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2007» (д. Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.) / под редакцией Л. Л. Иомдина и др. Москва: РГГУ, 2007. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (дата обращения: 08.06.2021).

¹ Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://archive.org/details/Bolshoy-tolkov-slovar-russkogo-yazyka-2000/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 08.06.2021).

² Кукушкина О. В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 132–145; Плотнокова А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. Екатеринбург; Москва: ТХТ, 2017. 196 с.

Иваненко Г. С. Три мифа в вопросах экспертной квалификации объективного и субъективного // Юрислингвистика. 2016. № 5 (16). С. 109–131.

Кукушкина О. В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 132–145.

Левин Ю. И. О семиотике искажения истины // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. Москва: Языки русской культуры, 1998. С. 594–605.

Плотникова А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. Екатеринбург; Москва: ТХТ, 2017. 196 с.

Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе / под редакцией С. А. Смирновой. Москва: РФЦСЭ, 2018. 135 с.

References

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [The large explanatory dictionary of the Russian language; ed. by S. A. Kuznetsov]. St Peterburg: Norint, 2000. 1536 p. Available at: <https://archive.org/details/Bolshoy-tolkov-slovar-russkogo-yazyka-2000/page/n1/mode/2up> (accessed: 08.06.2021).

Galiashina E. I. Pravo na svobodu slova v aspekte sudebnoi lingvisticheskoi ekspertizy [The right to freedom of speech in the aspect of forensic linguistics expertise]. *Obespechenie prav i svobod cheloveka v sovremennom mire: materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kutafinskie chteniia): v 4 ch. (g. Moskva, 22 noiabria – 3 dekabria 2016 g.)* [Ensuring human rights and freedom in the modern world: Proceedings of the XI International research and practice conference (Kutafin readings): in 4 parts (Moscow, November 22 – December 3, 2016); ed. by V. N. Siniukov]. Moscow: Prospekt, 2017, part 3, pp. 313–319.

Grammatika russkogo iazyka: v 2 t. [Grammar of the Russian language: in 2 vols; ed. by V. V. Vinogradov]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960.

Zalizniak A. A. Semantika kavychek [Semantics of quotation marks]. *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2007" (d. Bekasovo, 30 maia – 3 iunია 2007 g.)* [Computer linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the international conference "Dialogue 2007" (Bekasovo, May 30 – June 3, 2007); ed. by L. L. Iomdin i dr.]. Moscow: RGGU, 2007. Available at: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (accessed: 08.06.2021).

Ivanenko G. S. Tri mifa v voprosakh ekspertnoi kvalifikatsii ob"ektivnogo i sub"ektivnogo [Three myths in matters of expertise of objective and subjective]. *Iurilingvistika* [Legal Linguistics], 2016, no. 5 (16), pp. 109–131.

Kukushkina O. V. Negativnaia informatsiia: utverzhdenie o fakte ili vyrazhenie mneniia? [Negative information: statement of fact or expression of opinion?] *Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy* [Theory and Practice of Forensic Science], 2016, no. 3 (43), pp. 132–145.

Levin Iu. I. O semiotike iskazheniia istiny [On the semiotics of the distortion of truth]. Levin Iu. I. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Levin Yu. I. Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1998, pp. 594–605.

Plotnikova A. M. *Konfliktnaia kommunikatsiia v aspekte sudebnoi lingvistiki* [Conflict communication in the aspect of forensic linguistics]. Ekaterinburg; Moscow: TKhT, 2017. 196 p.

Semanticheskie issledovaniia v sudebnoi lingvisticheskoi ekspertize [Semantic studies in forensic linguistic examination; ed. by S. A. Smirnova]. Moscow: RFTsSE, 2018. 135 p.

Сведения об авторах

Ирина Евгеньевна Кузнецова – научный сотрудник; <https://orcid.org/0000-0001-7984-5919>, kuznetsova4irina@rambler.ru, Институт лингвистических исследований Российской ака-

демии наук (д. 9, Тучков пер., 199053 Санкт-Петербург, Россия); **Irina E. Kuznetsova** – Research fellow, <https://orcid.org/0000-0001-7984-5919>, kuznetsova4irina@rambler.ru, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (9, Tuchkov pereulok, 199053 St Petersburg, Russia).

Наталья Витальевна Козловская – доктор филологических наук, доцент, заведующий аспирантурой; <https://orcid.org/0000-0001-7272-7979>, mnegolosbyl@gmail.com, Институт лингвистических исследований Российской академии наук (д. 9, Тучков пер., 199053 Санкт-Петербург, Россия); **Natalia V. Kozlovskaya** – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of postgraduate study department; <https://orcid.org/0000-0001-7272-7979>, mnegolosbyl@gmail.com, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (9, Tuchkov pereulok, 199053 St Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2021; одобрена после рецензирования 13.09.2021; принята к публикации 17.09.2021.

The article was submitted 12.08.2021; Approved after reviewing 13.09.2021; Accepted for publication 17.09.2021.